

Грибер Юлия Александровна
доктор культурологии,
профессор кафедры социологии и философии,
Смоленский государственный университет
E-mail: y.griber@gmail.com

Милонас Димитрис¹
аспирант кафедры информатики,
Университетский колледж Лондона (Великобритания),
руководитель рабочей группы по изучению языка цвета
Международной ассоциации цвета (AIC)
E-mail: d.mylonas@ucl.ac.uk

**Картография цвета:
эмпирический анализ цветоименований русского языка²**

Ключевые слова: цвет, цветоименования, цветообозначения, термины цвета, русский язык, категории цветоименований русского языка, эмпирический анализ, эксперимент, шкала Манселла, картография цвета.

Предметом исследования является практика использования денотативных образцов в эмпирических исследованиях терминов цвета. Авторы рассматривают историю и возможности эмпирического изучения названий цвета с использованием цветowych таблиц и фиксированных цветowych образцов в русском языке и приводят результаты собственного исследования. Особое внимание уделяется характеристике процедуры анализа. Рассматриваются количество и структура полученных цветообозначений, распределение основных цветоименований русского языка, структура психологически выделенных цветообозначений, наиболее распространенные модели обозначения оттенков, степень нормативности зафиксированной цветовой лексики.

Метод исследования – эксперимент, инструментарий которого позволяет сопоставить цветowe термины русского языка с цветowymi шкалами RGB и Манселла.

Основные выводы проведенного исследования заключаются в том, что ряд непроеводных неосновных слов русского языка уже достаточно прочно вошли в речевой обиход и имеют широкое употребление, поэтому их нельзя игнорировать при построении разного рода классификаций. Природа экспериментальных образцов и использование особых процедур их компьютерной обработки позволили выделить основные категории цветоименований русского языка, составить перечни слов для каждой категории и представить «смысл» категорий в виде графического распределения (поля) оттенков. Такой способ представления данных не только является более информативным по сравнению с традиционным, но и открывает более широкие перспективы для их последующего анализа, прежде всего сопоставительного.

В долгосрочные задачи исследования входит создание универсальной модели цветообозначений, предназначенной для развития внутри- и кросскультурной цветовой коммуникации.

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного грантом Университетского колледжа Лондона проекта № 1573073 «Кросс-культурная цветова коммуникация» («Colour Communication across Cultures»).

² Авторы статьи выражают признательность профессору кафедры психологии Университета Ливерпуль Хоуп (Великобритания) Г. Парамей за участие в обсуждении результатов исследования.

Введение

Эмпирическое изучение названий цвета с использованием цветowych таблиц в русском языке имеет долгую и богатую именами историю. Стандартом в психолингвистических исследованиях универсальных цветowych категорий и межъязыковых соответствий прототипических, или фокальных, цветов категорий стали цветowych таблицы Манселла, следуя их применению Б. Берлином и П. Кеем [1] для изучения ста языков. На протяжении последующих десятилетий образцы использовались для описания денотативных значений основных цветонаименований (напр.: [2] [3]) и лексики, отображающей определенные участки цветowego пространства (см., напр., работы, посвященные эмпирическому исследованию оттенков синей части спектра: [4]).

Стандартный набор выкрасок применялся в исследованиях и цветоназвания для установления связи между цветowymi оттенками и цветовой обозначениями (см. напр: [5]). Как правило, для этого информантов просили соотнести выкраски с заранее составленным списком цветовой обозначений [4, 6, 7, 8] и на основе полученных данных создавали цветowych карты.

Вместе с тем, из-за использования ограниченного количества образцов и сокращенного списка заранее продуманных цветонаименований, исследователи достаточно скептически оценивали возможности денотативного подхода к изучению границ между цветами (см. напр.: [9]). Еще реже цветowych таблицы использовались в прояснении значений названий цвета (одно из немногих исключений представляет собой исследование с помощью таблиц Манселла семантики основных имен в языке австралийских аборигенов [10]). Полученные таким способом цветонаименования чаще всего просто использовались в качестве одного из описаний имен цвета.

В течение последних лет был достигнут значительный прогресс и в теории, и в практике использования денотативных образцов в эмпирических исследованиях терминов цвета. Это позволило в проводимом эксперименте изменить формат исследования: с одной стороны, сделать его свободным и, за счет этого, значительно расширить диапазон включенных в анализ цветowych оттенков и представить более полную языковую картину цвета, с другой, – «перевести» не только экспериментальный материал, но и полученные данные в «другое измерение», в невербальную форму, повысив, таким образом, точность анализа и расширив возможность дальнейшего изучения границ цветowych категорий, их семантической структуры и сопоставительных исследований цветowych систем различных языков.

Он-лайн модель цветовой обозначений

Инструментарий он-лайн эксперимента [11] позволяет сопоставить цветowych термины, которые используются носителями разных языков, с цветowymi шкалами RGB и Манселла [12].

В течение семи лет, начиная с 2008 года, на сервере собираются и записываются свободные ответы тысяч носителей 19 языков (английского, греческого, испанского, немецкого, каталанского, итальянского, традиционного и упрощенного китайского, французского, корейского, датского, литовского, тайского, португальского, шведского, японского, турецкого, вьетнамского и русского).

В долгосрочные задачи исследования входит создание универсальной модели цветовой обозначений, предназначенной для развития внутри- и кросскультурной цветовой коммуникации. Проект выбран Международной Ассоциацией Цвета (AIC) в качестве одного из приоритетных направлений исследований рабочей группы языка цвета.

Экспериментальные образцы

Для эксперимента было разработано 600 цветowych образцов. Образцы определялись в цветовой пространстве RGB, выбирались и записывались с помощью условных обозначений

системы Манселла [13]. Система Манселла, которая наиболее часто используется в изучении цветовой терминологии, была выбрана в качестве основной, потому что, несмотря на определенные ограничения, предлагаемое в ней цветовое пространство дает возможность «картографирования» цветоименований с помощью связанных с восприятием цветовых координат.

Процедура эксперимента

Процедура эксперимента включала шесть этапов.

Сначала участники должны были настроить свой монитор для параметров sRGB-модели, изменить контрастность и яркость дисплея так, чтобы они могли различить на нем каждый из 21 оттенка серой шкалы.

На следующем этапе респондентам предлагалось указать технические характеристики оборудования, на котором они проходили эксперимент, и оценить условия наблюдения.

Далее, на третьем этапе, проводилась проверка цветового зрения с помощью теста, разработанного профессором Лондонского Городского Университета Дж. Барбуром [14]. Участникам эксперимента показывался 90-секундный видеоролик, в котором цветной квадратик постоянно перемещался на фоне серого мигающего «шума», все время меняя свой цвет. Участники с выраженными нарушениями цветового зрения не могли постоянно видеть бегущий цветной квадратик. Для них на какое-то время квадратик исчезал.

Следующий, четвертый, этап в эксперименте был основным. Респондентам последовательно предъявлялись 20 окрашенных прямоугольных карточек, случайно отобранных компьютером из 600 образцов эксперимента, и предлагалось назвать каждый цвет, используя наиболее подходящее цветообозначение (простые и составные слова, словосочетания, предложения). Вместе с названиями, которые участники давали появлявшимся на экране цветовым образцам, записывалась скорость каждого ответа, которая рассчитывалась как временной интервал между предъявлением цветового стимула и введением первого знака в строке ответа.

На пятом этапе собиралась информация биографического характера, которая касалась места постоянного проживания участников, их национальности, уровня владения языком, образования, возраста, пола и опыта работы с цветом.

В завершении респондентам показывались все результаты сессии в виде единого списка из полученных ими цветовых образцов и присвоенных им названий.

Информанты

В эксперименте приняли участие 317 человек в возрасте от 16 до 64 лет, 72 % мужчин и 28 % женщин. Наиболее многочисленной оказалась группа участников в возрасте от 17 до 24 лет, которая была представлена уже окончившими среднюю школу студентами различных учебных заведений.

Для 83 % информантов русский язык был родным. Практически все (91 %) имели российское гражданство и постоянно проживали в России.

Две трети (67 %) участников не имели профессионального опыта работы с цветом. 30 % имели небольшой опыт. Только 3 % имели специальное образование и работали с цветом профессионально.

Результаты и обсуждение

Оценка согласованности

Для возможности оценки согласованности каждому участнику в ходе эксперимента один произвольно выбранный компьютером образец предъявлялся дважды. Затем полученные ответы сравнивались по двум показателям. Сначала было подсчитано количество полных, дословных совпадений, затем – количество совпадений обозначения

оттенка. Полученные показатели использовались для определения результирующих значений и разделения группы информантов на коалиции.

Количество и структура полученных цветообозначений

В ходе эксперимента было получено 6120 валидных цветообозначений, почти две трети из которых (65 %) по своей структуре были простыми и состояли из одного слова, оставшаяся треть (33 %) – из двух слов. Лишь 1,5 % цветообозначений состояла из трех слов. Отмечены также единичные случаи (0,5 %) цветообозначений с более сложной структурой (четыре, пять и шесть слов).

Время выбора подходящего цветообозначения варьировалось от 3 секунд до 7 минут.

Зафиксировано 736 различных по форме наименований цвета. Для русского языка это очень большая цифра. Для сравнения: в Академическом словаре русского языка лишь около 100 названий цвета, а средний носитель русского языка свободно владеет 30–40 такими словами [15, с. 110].

Стремление информантов к большому лексическому разнообразию может объясняться сразу несколькими обстоятельствами.

Прежде всего, их принуждала к этому сама парадигма эксперимента. Задача информантов состояла в том, чтобы подобрать имя к предъявляемым цветовым образцам. Набор имен при этом не задавался, а свободно выбирался носителем языка. Таким образом, в ходе эксперимента участники должны были подобрать имя к денотату, то есть совершить акт номинации. Гораздо чаще в экспериментальных исследованиях встречается совершенно другая схема, когда задача состоит в осуществлении акта референции: информантам уже предлагается определенный ограниченный набор имен, и они должны лишь выбрать и «прикрепить» к образцу какое-то имя из имеющихся.

Еще одним обстоятельством, объясняющим большой список полученных цветоименований, стало стремление информантов как можно точнее выразить показанный им оттенок. В ходе эксперимента участники намеренно помещались в ситуацию острой потребности в вербальном различении достаточно близких цветовых оттенков, поэтому важным для них было не просто назвать цветовые образцы различными словами, но и закрепить в предлагаемом цветообозначении точный цветовой образ, чтобы было совершенно понятно, какой именно цвет имеется в виду.

Основные цветоименования

Для любого языка центральным этапом развития системы цветообозначений является формирование «ядра» – группы слов, которые в известной теории Б. Берлина и П. Кея [1] получили название «основные цветоименования» (basic color terms).

В отличие от большинства европейских языков, где группа основных цветоименований включает 11 терминов (отсутствует слово для понятия «голубой») в русском языке и некоторых других славянских языках аналогичный список образован 12 названиями цветов. В него входят три ахроматических цвета (белый, черный, серый), и девять хроматических (семь цветов радуги, а также коричневый и розовый).

В составленный по результатам эксперимента список самых употребительных цветоименований вошли все слова из группы основных цветоименований русского языка в следующей последовательности: фиолетовый, розовый, зеленый, голубой, синий, коричневый, серый, желтый, оранжевый, красный, черный, белый.

Отметим, что голубой цвет оказался более релевантным, чем синий. Похожее распределение этих двух цветов отмечено в серии психолингвистических экспериментов, проведенных в начале 1980-х годов А.П. Василевичем [5]. Проведенный им анализ текстов с выборкой более 2 миллионов слов показал, что роль основного термина для обозначения этой части спектра в современном русском языке играет синий цвет, а частота употребления слова «голубой» почти в два раза уступает частоте слова «синий». В то же время, в ходе

эксперимента, когда участники должны были называть первые пришедшие на ум цвета, употребительность основных слов в этой части спектра выглядела совершенно по-другому: слово «голубой» употреблялось чаще, чем слово «синий». Такое распределение позиций в паре, скорее всего, связано с негативной коннотацией синего цвета в русской бытовой культуре (см.: напр.: [16, с. 174–192]), которая спровоцировала закрепление голубого цвета в качестве еще одного основного и поддерживает его достаточно высокую употребительность в сфере повседневного общения.

Психологически выделенные цветообозначения

Обозначая критерии, необходимые для включения слова в состав группы «основных цветоименований», Б. Берлин и П. Кей подчеркивали, что такое слово должно быть неприменованным, новым по значению, обладать широкой сочетаемостью и для носителей данного языка быть «психологически выделенным», значимым. Соответствует ли слово последнему из обозначенных критерию, исследователи предлагали проверить экспериментально. «Психологически выделенные» цветообозначения должны появляться в эксперименте, где информантов просят перечислить известные цвета и записать их, в начале списка. Таким образом, в нашем эксперименте «психологически выделенными» можно считать все слова из списка наиболее употребительных.

Поскольку и сами авторы теории, и современные исследователи сходятся во мнении, что нынешняя стадия развития, на которой находятся все индоевропейские языки, не является заключительной и предстоит дальнейшее изменение состава группы основных цветоименований (см. например: [2]), «психологически выделенные» цветоименования оказываются интересным материалом для определения возможных направлений эволюции ядра цветообозначений.

Ориентируясь именно на этот критерий, в начале 1990-х годов А.П. Василевич распространил идеи Б. Берлина и П. Кея на «состояние в будущем» и по результатам серии психолингвистических экспериментов предложил свой прогноз развития списка основных цветоименований русского языка [17, с. 50–53]. Основным показателем, на который ориентировался А.П. Василевич, стал разработанный им индекс количественной оценки степени расхождения между данными ассоциативного эксперимента, в ходе которого носителя языка называли первые пришедшие им на ум слова, и данными анализа письменных источников. В список из шести наиболее вероятных кандидатов на вхождение в число основных цветоименований вошли: салатный (с индексом 50,0), бежевый (49,0), бордовый (45,0), сиреневый (36,5), лимонный (34,5), малиновый (34,0).

Высокая психологическая выделенность сиреневого, салатного, бордового, малинового, бежевого, бирюзового, лимонного цветов зафиксирована также в эксперименте Дейвиса и Корбетта [2]. Носители русского языка, которых просили записать как можно больше терминов, которые они могут вспомнить за 5 минут, предложили в общей сложности 126 различных по форме цветообозначений. После ранжирования полученных цветовых терминов по частоте, был составлен список, на первом месте в котором оказались 12 основных терминов, а сразу за ними следовали обозначенные оттенки.

В нашем эксперименте, кроме цветообозначений из списка основных, высокую релевантность продемонстрировали неприменованные сиреневый (частота $c=158$, среднее время выбора (сек) $RT=10,07$), бирюзовый ($c=112$, $RT=10,41$), салатный ($c=102$, $RT=8,10$), бордовый ($c=90$, $RT=11,21$), малиновый ($c=61$, $RT=10,68$), бежевый ($c=58$, $RT=7,78$). Анализируя полученное распределение, трудно не согласиться с выводом А.П. Василевича о том, что до сих пор продолжают действовать два главных принципа повышения релевантности слов, которые описаны Б. Берлином и П. Кеем для седьмой стадии развития ядра цветообозначений. Новые цветовые термины этой стадии образовались либо для обозначения «пограничного» цвета на стыке уже существующих (фиолетовый – между появившимися ранее красным и синим, оранжевый – между красным и желтым, серый –

между белым и черным), либо для выражения более светлого оттенка (розовый относительно красного). Соответственно, бирюзовый, малиновый и бордовый являются пограничными и появляются «между» уже существующими основными цветами (бордовый и малиновый стоят между красным и фиолетовым, бирюзовый – между синим и зеленым), остальные цвета представляют собой более светлые оттенки основных цветов (салатовый – светлый оттенок зеленого, бежевый – коричневого, сиреневый – фиолетового).

Модели обозначения оттенков

Поскольку большинство участников эксперимента, как правило, профессионально не работали с цветом, они испытывали относительный лексический недостаток цветообозначений для большого числа оттенков, которые им предъявлялись. Этот недостаток респонденты компенсировали различными способами.

Сложные слова

В подавляющем большинстве случаев для передачи оттенков использовались двусоставные слова. Доля подобных сочетаний оказалась весьма велика и составила около трети (33 %) всех случаев.

Основная часть случаев приходится на сочетания, в состав которых входит только одно основное цветоименование. Второе слово передает темный (8,6 %), светлый (7,9 %), яркий (2,6 %) или тусклый (3,6 %) оттенок. В эксперименте зафиксирован довольно большой диапазон приставочных слов, большинство из которых общеупотребительны, нормативны, достаточно прочно освоены русским языком и, как правило, имеют закрепленную форму написания (в большинстве случаев дефисное).

Подавляющее большинство случаев употребления приставочных слов приходится на их сочетание с 12 основными цветоименованиями (*темно-зеленый, светло-коричневый, ярко-розовый и т.п.*). Значительно реже встречается сочетание с участием других слов (*темно-сиреневый, светло-бирюзовый, темно-бордовый, темно-малиновый и др.*). Подчеркнем, что, в основном, такие сочетания образованы со словами, для которых в эксперименте отмечена высокая степень релевантности.

В списке зафиксированных цветоименований встречаются также ненормативные сочетания, приставочные слова в составе которых не сообщают информации о собственно оттенке цвета, а передают определенную связанную с цветом эмоциональную окраску (например: *приглушенно- (розовый, салатовый), едко- (розовый, голубой), весенне- (зеленый), почти-, еле, умеренно- (фиолетовый), разбеленный (лиловый, коралловый), кислотно- (зеленый, желтый, розовый, фиолетовый), блестящий (желтый) и др.*).

Передать большое количество оттенков участники эксперимента старались также путем использования сочетаний, включающих сразу два цветоименования (серо-голубой). По этой модели построено 6,7 % (161 вариант) предложенных ими цветообозначений.

Такое распределение источников расширения возможностей цветоименования участниками эксперимента, скорее всего, объясняется их установкой на научность ожидаемого от них ответа. По данным А.П. Василевича, в художественной литературе это соотношение прямо противоположное: там гораздо чаще встречаются именно сочетания последнего типа, которые, хотя и более расплывчаты по смыслу, но зато гораздо «свежее» и образнее по форме [15, с. 15].

Неизбежность и необходимость использования такой модели связано со сформировавшейся в цветоведении традицией описания цветоощущений с помощью трех компонент: цветового тона (главная компонента), яркости и насыщенности. То же, что в обыденной речи принято называть цветом, в цветоведении в большинстве случаев называется тоном. Соответственно, для уточнения цветоощущения, к основному обозначению тона добавляются различные приставочные слова, передающие значения двух других переменных.

Референтные цветообозначения

Достаточно часто встречался также другой способ обозначения оттенков: более 15 % (378 различных по форме единиц) цветообозначений для передачи оттенка использовали референт, называли цвет по какому-то предмету.

В большинстве случаев в качестве модели привлекались достаточно традиционные для русских цветообозначений тематические группы предметов: названия цветов (*фуксия, фиалковый, васильковый, лавандовый*), плодов (*персиковый, оливковый, баклажановый, сливовый, фисташковый, брусничный, черничный*), растений (*горчичный, травяной*), еды и напитков (*бордовый, молочный, лайм, какао, шоколадный, кофе с молоком, кофейный, молочный шоколад*), минералов (*бирюзовый, изумрудный*), металлов (*стальной, серебряный*) и других объектов неживой природы (*болотный, морской волны, песочный, мокрый асфальт*).

Однако в некоторых случаях выбор референта был нетипичным и включал, наряду с традиционными для системы русских цветообозначений, но несколько необычными объектами с фиксированным цветом (*тыква, свекла, спаржа, шафран, чертополох, цикорий, карри, корица, куркумный, мак, грушевый, банановый, липовый, сосновый*), также неокрашенные объекты (*древесный, мраморный*) и референты с непостоянным, но меняющимся в определенных пределах цветом (*лунный, аква, цвет океана, цвет воды, неоновый*). Хотя цвет таких объектов нельзя назвать эталонным и он не всегда равномерен и одинаков в разных проявлениях, тем не менее этот цвет хорошо известен каждому носителю языка, который знает, что небо синее или голубое, а вода – сине-зеленая.

Адъективные конструкции, содержащие имя цвета

Отмечены также случаи использования для описания оттенка модели хорошо изученных Е.В. Рахилиной [18, 19] адъективных конструкций вида «А-ый Х», где А – имя цвета, Х – имя предмета. Семантическая интерпретация цвета в таких конструкциях зависела от набора допустимых А и Х, а приписываемый объекту цвет имел некоторое референциальное отношение к этому объекту и описывал цвет какой-то его части (например, как в сочетании *синий бархат, розовый йогурт*) или отражал представление информанта о его цвете и образовывал полужаологизированное сочетание (ср.: *голубая лагуна*).

В таких адъективных конструкциях действовал интересный принцип образования цвета, который Е.В. Рахилина описывает в своей работе, посвященной когнитивному анализу предметных имен [18]. Поскольку для носителя языка спектр не разбит на непересекающиеся фрагменты, каждый из которых связан с определенной длиной волны, а содержит ряд семантических уровней и, скорее, представляет собой многомерное смысловое поле, названия цвета имеют не одно, а множество значений, которые проясняются только при их сочетаемости. В результате взаимодействия смыслов, семантические потоки, заданные выбранным сочетанием, в каждой из подобных адъективных конструкций соединяются в определенный цветовой оттенок.

Уникальные авторские цветоименования, не содержащие указания на цвет

Когда при поиске соответствия между образцом цвета и имеющимися в запасе словесными ярлыками участникам эксперимента не удавалось найти точный цветовой термин или подобрать подходящее определение с опорой на название предмета, они создавали для обозначения оттенка слово или словосочетание самостоятельно, предлагая уникальное авторское цветоименование (напр.: *холодное небо, небо утром, море вдали, переспелый виноград, цвет сухой травы, сухой асфальт, южная ночь, южное ночное небо, магическая мята, мокрая глина, пыльная роза*). В приводимых авторских цветоименованиях цвет сам цвет не назывался, но с помощью уточняющих слов, в роли которых выступали прилагательные и наречия, создавался метафорический образ.

Образованное словосочетание рассматривалось информантами как своего рода стимул, с помощью которого они старались создать особое ассоциативное поле и, таким образом, передать важные, по их мнению, цветовые нюансы.

Нормативность зафиксированной цветовой лексики

В целом, отмеченное увеличение объема лексики за счет словообразования и использования различных морфологических средств, часто сопровождалось значительным снижением степени нормативности.

Некоторые авторские словосочетания и связанные с ними ассоциативные ряды имеют выраженную связь с русской культурой и, скорее всего, будут совершенно непонятны иностранцу без соответствующих пояснений (*например: цвет лисьей шерсти в книгах, цвет детской неожиданности, серо-буро-малиновый*).

Зафиксирована также небольшая доля устаревших и книжных слов (*напр.: танго, кумачовый, гелиотроповый, морская зелень, шампань, хаки, маджента, электрик, берлинская лазурь и др.*), которые активно проникают в живую речь под влиянием рекламы.

Выводы

Природа экспериментальных образцов и использование особых процедур их компьютерной обработки позволили выделить основные категории цветоименований русского языка, составить «полный» набор слов для каждой категории, сделав потери и искажения полученных данных минимальными, и представить «смысл» категорий в виде графического распределения (поля) оттенков (*рис. 1*). Такой способ представления данных не только является более информативным по сравнению с традиционным, но и открывает более широкие перспективы для их последующего анализа, прежде всего сопоставительного.

Результаты эксперимента показывают, что ряд производных «неосновных» слов уже достаточно прочно вошли в речевой обиход и имеет широкое употребление, поэтому их нельзя игнорировать при построении разного рода классификаций.

Перспективным направлением анализа должно стать изучение территориальных и социальных особенностей цветовой категоризации, прежде всего, исследование гендерных различий, вектор которого уже задан результатами, полученными Л. Макдональдом и Д. Милонасом [20] на материале английского и испанского языков.

Литература

- 1) Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkley: University of California Press, 1969. 178 p.
- 2) Davies I.R., Corbett G.G. The Basic Color Terms of Russian // *Linguistics*. 1997. Vol. 32. P. 65–89.
- 3) Кудрина А.В. Реконструкция семантических пространств основных цветов на примере трех культур (англоязычной, русскоязычной и немецкоязычной) // *Культурно-историческая психология*. 2011. № 2. С. 114–124.
- 4) Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 175 с.
- 5) Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте (на материале цветообозначения в языках разных систем). М.: Наука, 1987. 140 с.
- 6) Corbett G., Morgan G. Colour Terms in Russian: Reflection on Typological Constraints in a Single Language. *Journal of Linguistics*. 1988. Vol. 24. P. 31–64.
- 7) Корж Н.Н., Пенова И.В., Сафуанова О.В. Денотативные значения цветоименований // *Психологический журнал*. 1991. Т. 12, № 4. С. 69–80.
- 8) Корж Н.Н., Сафуанова О.В. Денотативные значения цветоименований // *Психологический журнал*. 1994. Т. 15, № 1. С. 109–114.
- 9) Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. М.: Русские словари, 1996. С. 231–291.
- 10) Jones R., Meehan B. Anbarra concepts of colour // Hiat L.R. [Ed.]. *Australian Aboriginal concepts*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1978. P. 20–29.
- 11) Он-лайн эксперимент по называнию цвета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://colournaming.com> (дата обращения 22.09.2015).

- 12) Mylonas D., MacDonald L. Online Colour Naming Experiment Using Munsell Samples // Proceedings of the 5th European Conference on Colour in Graphics, Imaging and Vision (CGIV). Joensuu: IS&T, 2010. P. 27–32.
- 13) Newhall S.M., Nickerson D., Judd D.B. Final Report of the O.S.A. Subcommittee on the Spacing of the Munsell Colors // Journal of the Optical Society of America. 1943. Vol. 33. P. 385–411.
- 14) Barbur J.L., Harlow A.J., Plant G.T. Insights into the Different Exploits of Colour in the Visual Cortex // Proceedings of the Royal Society of London B. 1994. Vol. 258. P. 327–334.
- 15) Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А.П. Василевича. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 216 с.
- 16) Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.
- 17) Василевич А.П. Языковая картина мира цвета: методы исследования и прикладные аспекты. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2003. 93 с.
- 18) Рахилина Е.В. О цветном и бесцветном // Когнитивный анализ предметных имен. М.: Русские словари, 2008. С. 168–196.
- 19) Rakhilina E.V., Paramei G.V. Colour Terms. Evolution via Expansion of Taxonomic constraints // New Directions in Colour Studies / ed. by C.P. Biggam et al. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 121–131.
- 20) MacDonald L., Mylonas D. Gender Differences in Colour Naming in Spanish and English // Color, Culture and Identity: Past, Present and Future. AIC 2014 Proceedings / G. Ortiz, C. Ortiz, R. Ramírez [Eds.]. Oaxaca: AMEXINC, 2014. P. 422–427.
- 21) Paramei G.V. Singing the Russian Blues: An Argument for Culturally Basic Color Terms // Cross-Cultural Research. 2005. Vol. 39, No. 1. P. 10–34.

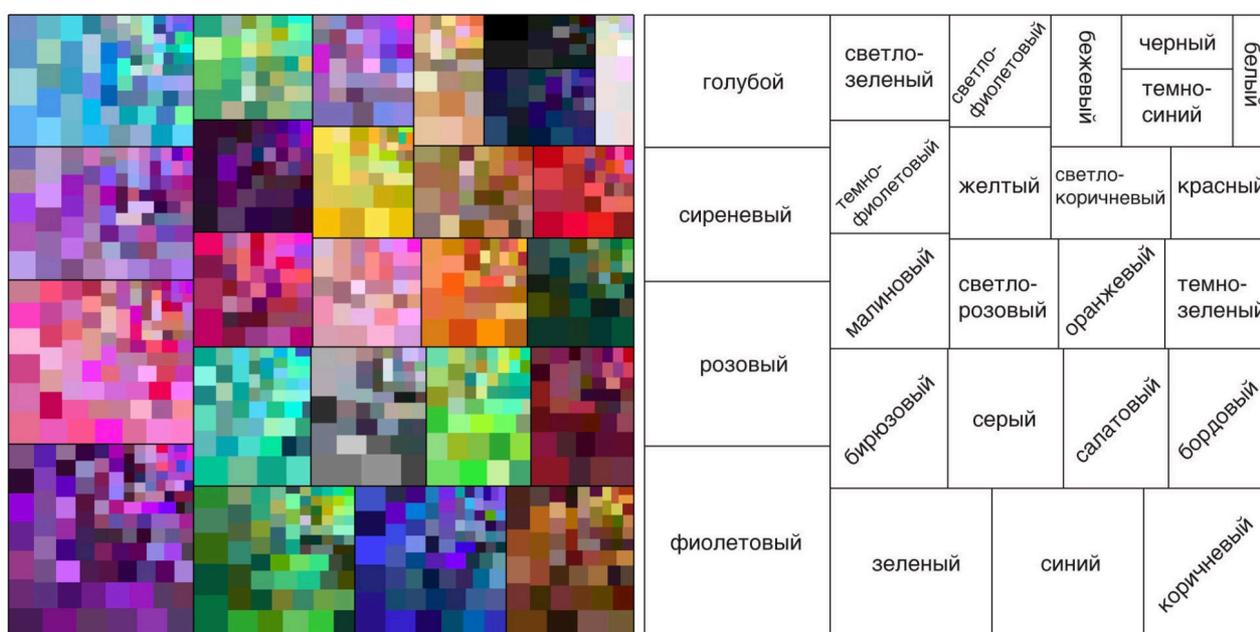


Рис. 1. Денотативные значения (слева) цветовых категорий (справа) русского языка